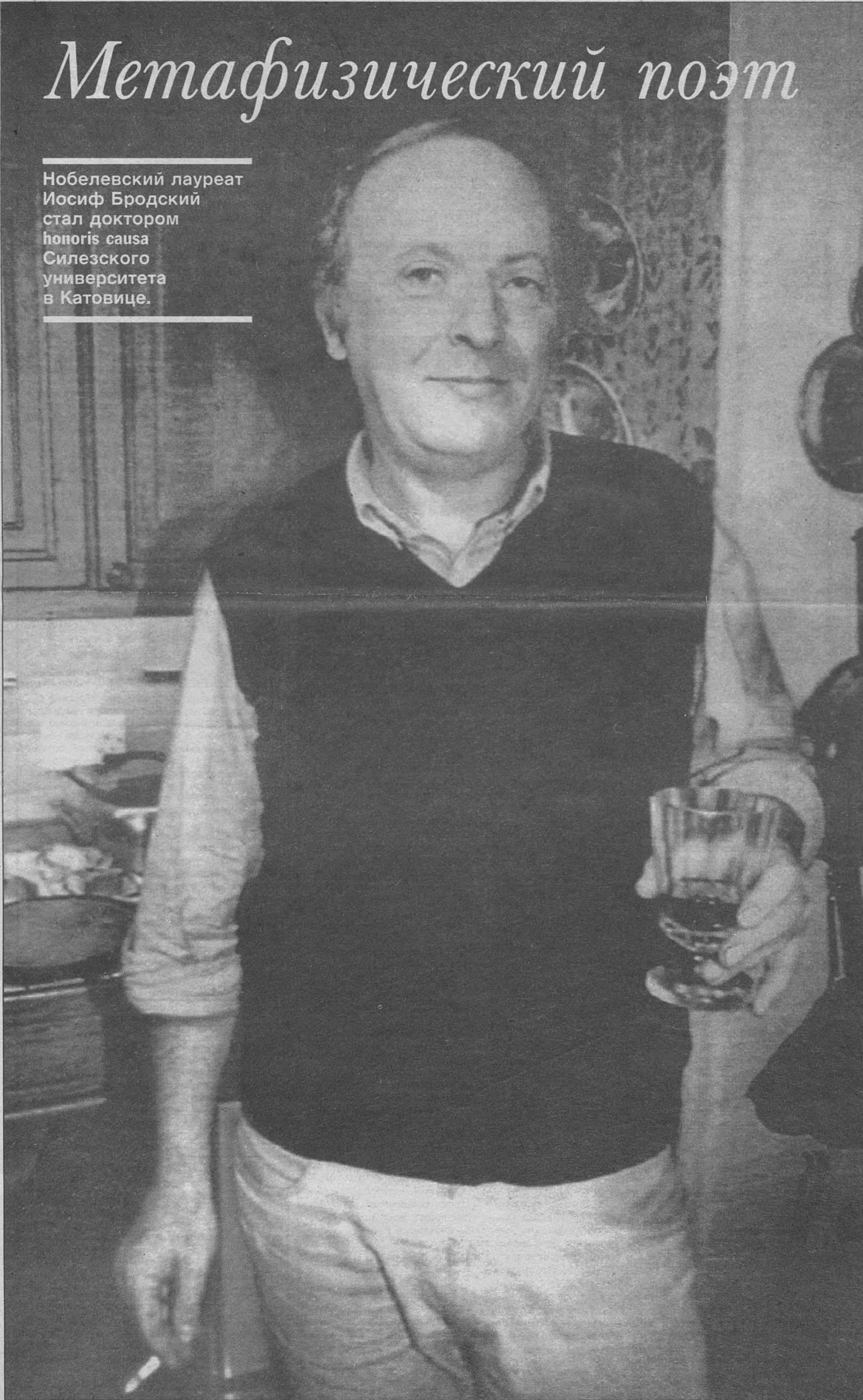

Метафизический поэт

Нобелевский лауреат Иосиф Бродский стал доктором honoris causa Силезского университета в Катовице.

Атмосфера вокруг имени Иосифа Бродского в Польше так наэлектризована, что стоит его произнести — услышишь разряды. Правда, поэт сам был удивлен, а как позже признался — ошеломлен известием о решении сената Силезского университета в Катовице присвоить ему звание почетного доктора.

Еще тридцать лет назад появились первые польские переводы стихов Бродского. Сначала их печатала литературная периодика, потом перемещенные контрабандой рукописи и самиздатские копии выходили отдельными книгами «неофициально», а прямо говоря — нелегально. А Бродский, в свою очередь, переводил Норвида, Галчиньского, Милоша, Стаффа... В то время он уже был изгоем в родной литературе, но успел выжить польский благодаря интересу к польским газетам и журналам, которые считал захватывающим источником информации о Западе. С тех пор он неравнодушен к Польше, а последнее десятилетие состоит в редколлегии «Зешитов литератцких» («Литературных тетрадей»).

Бродский всегда писал то, что хотел, а не то, что дозволялось. Но не только это сделало его в Польше легендарным. Адам Михник замечает, что, хотя Иосиф Бродский крепко не поладил с миром тоталитарной политики, он никогда не был политическим писателем: «У него что-то от пророка, замороженного человеческой формой и природой мира. Красота и любовь, надежда и вера, жестокая ирония судьбы и ужас, переплетенный с шуткой, — таков мир стихов и эссе Бродского. Такова и его судьба: надежда русской поэзии и объект внимания советской полиции, переводчик метафизической поэзии, осужденный за «паразитизм и литературную контрабанду», ссыльный, пария, изгнанник и потом — лауреат Нобелевской премии. Такова была биография метафизического поэта в мире политического деспотизма».

На торжества, которые проходили несколько дней, съехались известные литераторы и переводчики, деятели культуры и искусства. Приехали и друзья Бродского, поэты — профессора американских университетов: нобелевский лауреат Чеслав Милош, Томас Венцлова, Станислав Бараньчак («что-то вроде литературной мафии европейцев в Соединенных Штатах», как выразился Милош). Литературные конференции, встречи с читателями, их очереди за автографом к автору, премьеры спектакля «Мрамор» и, конечно, церемония присвоения титула.

Полагающаяся в таких случаях речь Бродский произнес на английском. Писатель считал, что его польский уже мертв, а на русский у большинства присутствующих аллергия. Он благодарил польский народ не только за признание его творчества, но и «за уничтожение самого большого зла, которое постигло человечество, коммунистической системы».

Я поймал себя на мысли, что, выступая в мантии почетного доктора, Бродский будто продолжает свою нобелевскую лекцию о частности человеческого существования, чему учит искусство. «Будучи наиболее древней — и наиболее буквальной — формой частного предпринимательства, оно вольно или невольно поощряет в человеке его ощущение индивидуальности, уникальности, отдельности, превращая его из общественного животного в личность» — это тогда, в Стокгольме, в 1987 году.

И вот теперь: «Единственным противоядием против разнузданного самолюбования, которое приходит мне в голову, являются хороший вкус и сомнение по отношению к самому себе. Эти свойства не содержатся в перечне прав индустриальных демократий; их колосья можно собирать единственно на полях произведений искусства, особенно литературы. В то время как негативный потенциал человека проявляется в преступлении, его потенциал добра проявляется в искусстве, сфере в принципе свободной от утилитаризма».

И еще: «Триумф над силами зла не делает из кого-либо автоматически хорошего человека. Если бы так было, мы бы уже давно достиглирая на Земле».

Валерий МАСТЕРОВ,
собкор «МН»
Варшава